

Сергей Никитин, 14 января 2013 г.

Я давний «сыр» [«Мастерской Фоменко»](#) – такой, что готов в театре полы подметать, но они об этом не знают и не должны знать. А еще я друг театра, с Петром Наумовичем мы знакомы с 1967 года, когда он пришел в театральную студию МГУ «На Ленинских горах», и буквально на глазах заурядный драмкружок превратился в Его Величество Театр. Было два спектакля – «Вечер Михаила Светлова» и «Татьянин день». А мне выпала счастливая возможность быть музыкальным «шефом» в этих спектаклях. Тогда же состоялся мой первый опыт сочинения музыки к спектаклю на стихи профессиональных поэтов. Не знаю как администрация театра, но себя считаю сотрудником «Мастерской», поскольку «Двенадцатая ночь» с моей музыкой шла более 12-ти лет, а недавно мы с Татьяной простимулировали рождение поэтического спектакля «Рыжий», в котором также звучит моя музыка. Так что зритель я заинтересованный, ревностный, не скажу ревнивый...

Поскольку на старо-новогодних капустниках «Мастерской» бываю регулярно, вот на капустнике, в праздничном настроении, Ксения Кутепова и пригласила меня на «Моряков и шлюх»: «А приходите завтра!». «А на что?» – «А завтра мы танцуем». И я пришел.

Если кто спросит, в чем смысл, сразу скажу: смысл искать не надо. «Моряки и шлюхи» – творческая разминка, пластические упражнения в исполнении прекрасных и любимых мной актеров, людей. Приходит на ум биомеханика, 1920-е годы, особенно в первом акте. Но в этой физкультуре главное слово «культура», идущая не только от ежедневных и положенных для спектакля занятий у станка, но и общая культура актера «Мастерской». Вспомнилась и агитбригада физфака МГУ, когда за ширмой замелькали «аргентинские» ножки, – как скоро выяснилось, Мадлен Джабраиловой. Благодаря подбору артистов выстраивается картина жизни: играют (не скажу танцуют) совсем юные актеры и актрисы, играют как бы наравне с другими: звезды – сестры Кутеповы и Мадлен; обращают на себя внимание сильно похудевший «фоменковец» следующего призыва Алексей Колобков; изящно двигается (исполняет свою партию виолончели) бессменная хранительница Петра Наумовича, его секретарь Лилия Егорова; танцует парень из стажерской группы Коля Орловский. Есть зрители, которые ничего не знают про театр Фоменко, приходят и сразу обращают внимание на него, такой он запоминающийся.

Плюс – а для меня это большой плюс – в спектакле звучит прекрасная музыка: барокко, современный авангард, любимый мной Джанго Рейнхард, аргентинское танго – мой музыкантский слух это ласкало, душа отдыхала. Во многом благодаря музыке, перед глазами стоит номер из первого акта: Кутепову-куклу моряки водят по сцене и, как только они прекращают ее двигать, она опускается, мягко падает, это столько рождает чувств, ассоциаций, это так красиво. Есть большая завораживающая сцена под психоделическую музыку: высокий, густой, тягуче-липкий кластер струнных, под него в невозможном, кажется, рапиде в разных углах сцены танцуют сестры Кутеповы, и ты, не понимая, что с тобой происходит, обнаруживаешь себя в прекрасном сне, в потустороннем мире...

После перерыва актеры переодеваются в строгое, превращаются из моряков и шлюх в персонажей эпохи Возрождения и танцуют под полифоническую музыку барокко. И только возникает высокоромантический пафос, как делается цирковой кувырок, все летит вверх тормашками... Кутеповы, в первом акте разукрашенные б., здесь мадонны в белом, и они светятся. Глаз не оторвать, красота неземная.

Спектакль очень любят зрители, у него, как говорится, есть коммерческий успех, и я за такую коммерцию, когда звучит прекрасная музыка и прекрасные актеры интересно существуют на сцене, и даже зрители-новички, не знающие звезд «Мастерской», почувствуют ту магию, которая от них исходит. Номера, не очень между собой связанные, можно рассматривать как актерские зонги, и их хватило бы на несколько драматических спектаклей, где в драматическом контексте они бы обогатились смыслами. Пример тому был накануне в капустнике: "шлюхи" из первого акта были помещены в пространство режиссуры Ивана Поповски.

Ну вот, казалось бы, и все. Но не отпускают меня эти «Моряки и шлюхи»! А почему? А потому что были моменты истинного волнения, как на концерте в Большом зале консерватории. Вот оно, нашел: КОНЦЕРТ. Концерт в высоком, филармоническом смысле. Концерт какого жанра и какого сочинителя? Ну, с сочинителем все ясно – это Олег Глушков. А исполнители (условно) – джазовые и академические ансамбли, камерный оркестр и, наконец, симфонический. Солисты мирового класса... Концерт состоит из отдельных фрагментов (номеров), а лучше сказать из музыкальных частей. Тут подойдут итальянские термины: скерцо, аллегро виваче, ларго, адажио и т.д.

А жанр? Танец? Нет. Пантомима? Тоже нет, пожалуй. Такого прежде вроде не было. Давайте вообразим. Возьмем хорошего актера. Запретим ему говорить. Как много он сможет выразить? Да все – любые чувства,

эмоции, да и мысли... Вспомним гениальную роль Олега Ефремова в фильме "Гори, гори, моя звезда!" – ни одного слова за весь фильм, а как запоминается... А потому что у нас, у людей, есть чем поделиться помимо слов...

Идем дальше – запретим двигаться. Оставим только жест и мимику. Лишим слуха. Можно себе представить, как много мог бы «сказать» тот же Петр Фоменко, обладая только этими средствами. Еще дальше – запрет на жест. Остается лицо, глаза... Да и тут большой актер многое сможет.

Теперь пошли в обратном направлении. Разрешим жест. Одна рука, другая... Позволим двигаться. Вернем слух (теперь слышна музыка). Театральный костюм, сценография, свет! Огромный арсенал средств. Только говорение запрещено. Вот оно: это концерт сочинений Олега Глушкова в жанре под названием «Когда запрещено говорить». А исполнитель – труппа «фоменок».

Продолжим аналогию с концертом в БЗК. Там обычно что-то серьезное играют вначале, а иронию и юмор оставляют на 2-е отделение, а уж «на бис» что-то юмористическое и виртуозное. В концерте «Моряки и шлюхи» – все наоборот. Вначале исполняют этюды Гедике и Черни... Потом джазовые пьесы. Потом психоделика, солисты Чечилия Бартолли и Мария Калас (Кутеповы). Сцена трагического звучания на тему «Яблочка» (ансамбль молодых солистов). Коронный номер «Кукла» (поет Мария Калас). И в финале концерта – апофеоз. Шутки в сторону, достаточно ерничали, иронизировали. На сцене – симфонический оркестр. Фраки. Строгие белые платья. У каждой группы своя линия, свой голос. Полифония. Все средства – на полную катушку.

Жизнь скоротечна. Накануне сестры Кутеповы познакомили меня со своей мамой (украдкой любовался – так вот откуда такие красота и благородство!) Она (мама): это моя внучка (девушка лет 17-ти, дочь Полины и Евгения Каменьковича). Как, уже такая взрослая? Вижу три поколения, и все три прекрасны.

А концерт сочинений Глушкова вызывает похожие мысли. Жизнь быстротечна, но на смену приходят новые – жизнь продолжается, а, значит продолжается музыка..